

WWW.TIIC.RU, INFO@TIIC.RU

МОСКВА

№ 35а/214 | 15.09.2014

СЕВЕРО-ЗАПАД

ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА ГОРОДА МОСКВЫ. ИЗДАЕТСЯ С 2010 ГОДА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ**

Уважаемые читатели!

Редакция нашей газеты при поддержке префектуры СЗАО объявила конкурс, посвященный 70-летию Великой Победы: «Великая Отечественная в истории моей семьи».

Мы предложили вам, нашим читателям, запечатлеть воспоминания героев огненных лет: воинов, тружеников, тех, кто вынес муки фашистских застенков, тех, на чье детство пало тяжелое время войны. Ведь именно из таких судеб складывается наша общая история, их рассказы бесценны для потомков!

Мы не ждали от вас профессиональных литературных произведений — важны искренность и достоверность, рассказ реальных людей о реальных событиях, свидетелями или участниками которых довелось стать.

В этом тематическом выпуске газеты — читательские истории, объединенные общей темой: «Великая Отечественная война в истории моей семьи».

Анатолий Иванович Богачкин**О СЕБЕ И О ВОЙНЕ**

Родился я 1924 году в Москве. Мое детство прошло в одном из московских дворов неподалеку от Крымской площади. В те далекие довоенные годы все готовили себя к защите Отечества, вот и я решил избрать военную профессию, стать защитником своей любимой Родины. 1 сентября 1940 года после окончания семи классов я поступил во 2-ю Московскую специальную артиллерийскую школу на Пречистенке. В этой школе, несмотря на ее подчинение Наркомпросу, всегда царил военная атмосфера: учились только мальчишки, все носили военную форму, каждый день начинался и заканчивался построением. Сама школа считалась как артдивизион, командиром которого был кадровый командир Красной армии. Он же являлся заместителем директора школы. Дивизион состоял из трех артбатарей. Первая батарея состояла из взводов 10-х классов, вторая – 9-х классов и третья – 8-х классов. Командирами взводов были преподаватели – классные руководители. Помощники командиров взводов и старшины батарей назначались из числа учащихся. Программой обучения помимо общеобразовательных предметов за среднюю школу предусматривалась военная подготовка. Она проводилась в летний период в военных лагерях. Особое внимание уделялось строевой подготовке. Причиной тому было привлечение учащихся к участию в военных парадах, проводимых ежегодно на Красной площади в Москве 1 мая и 7 ноября. В двух парадах принимал

участие и я. Это было 7 ноября 1940 года и 1 мая 1941 года. Тогда никто не предполагал, что первомайский парад окажется последним предвоенным.

Война внесла свои коррективы в действия спецартшколы. Предстоящий выезд в военный лагерь совместно с 1-м Московским артиллерийским училищем был отменен и проведен самостоятельно на окраине Москвы в Кузьминском парке. Проводился он по-военному, в строгом соответствии с утвержденным распорядком дня. Начинался с подъема по горну и заканчивался вечерней поверкой. Жили в палатках. Но с началом налетов немецких бомбардировщиков на Москву все изменилось. Нас на баржах переправили по Москве-реке и Оке в поселок Сельцы Рязанской области для продолжения лагерного сбора.

В сентябре мы вернулись в Москву, но вместо занятий нас направили рыть противотанковые рвы в районе Гучково (сейчас Дедовск) Московской области. В дальнейшем на этом рубеже были остановлены немецкие танки. Кроме того, «спецы» перегружали снаряды из товарных вагонов на армейские машины, отправлявшиеся на фронт, охраняли стратегические продовольственные склады в Лужниках, а во время бомбежек дежурили на крышах домов, чтобы вовремя сбрасывать падающие с вражеских самолетов «зажигалки».

Откровенно говоря, уже тогда каждый из «спецов» был готов вступить в народное ополчение, чтобы с оружием в руках встать на защиту Москвы. Все ждали решения правительства. И оно пришло. Только вместо отправки на фронт весь личный состав всех московских спецартшкол был эвакуирован на восток для продолжения учебы.

2-я Московская спецартшкола прибыла в город Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Для ее учащихся началась новая казарменная жизнь.

14 июля 1943 года состоялся выпуск нашего набора. Основная масса выпускников, в том числе и я, была направлена в Сумское артиллерийское училище имени М.В. Фрунзе. В то время оно находилось в Ачинске Красноярского края и размещалось в казармах довоенной постройки.

В этом училище мы изучали материальную часть 76-мм пушки и 122-мм гаубицы, которые находились на вооружении дивизионной артиллерии, а также правила стрельбы из этих орудий прямой наводкой и с закрытых огневых позиций. Учились готовить снаряды к стрельбе. Нас основательно тренировали в подготовке расчетных данных для ведения огня глазомерным способом и по топографическим картам. Одновременно мы изучали устройство и порядок работы с артиллерийскими приборами, переносными радиостанциями и полевой телефонной связью. Учились верховой езде на лошадях, умению ухаживать за ними и запрягать. Многие занятия, особенно по тактике и топографии, проводились в полевых условиях невзирая на погоду.

1 декабря 1944 года состоялся выпуск бывших воспитанников 2-й Московской спецартшколы. Всех одели в офицерское обмундирование и построили на плацу. Был зачитан приказ о присвоении каждому офицерского звания «младший лейтенант». В числе группы выпускников меня направили в Гороховецкие лагеря Горьковской (сейчас Нижегородской) области. Там назначили на должность командира взвода управления (КВУ) в 122-мм гаубичную артбатарею, готовившуюся к отправке на фронт.

Мой боевой путь начался 10 января 1945 года на Сандомирском плацдарме. Я воевал в составе 9-й артбатареи 3-го артдивизиона 314-го гаубичного артиллерийского полка 149-й стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Моя должность КВУ артиллерийской батареи обязывала постоянно находиться на переднем крае вместе с командиром батальона пехоты и по его просьбе, а то и по своей инициативе вызывать и направлять огонь своей батареи по противнику. Особая ответственность лежала на мне во время наступления пехоты. Задача состояла в том, чтобы вовремя обнаружить огневые точки противника и как можно быстрее подавить их огнем своей батареи, тем самым обеспечив живучесть пехоты.

В этой должности я прошел с боями через Польшу, Германию и Чехославию, участвовал во взятии Берлина и освобождении Праги. Войну закончил в Карлсбаде (Карловы Вары) 11 мая 1945 года. Общая длина пути около 1000 км. Шли, как правило, по бездорожью, лесами и через реки. Очень запомнились бои, когда началась Берлинская операция. В это время наша артбатарея находилась в районе юго-восточнее города Форст. Наступление началось с артиллерийской подготовки. После нее я, мои разведчики и радист форсировали под огнем противника реку Нейсе. Перебравшись на другой берег, стали продвигаться вперед по окопам противника. Затем следом за пехотой вышли на западную окраину Форста. Так как начало смеркаться, вместе с пехотинцами на ночь разместились в одном из домов.

На следующий день вместе с пехотой продолжали теснить врага. Путь проходил через лес, в котором оказались немцы. При нашем появлении против-

ник неожиданно открыл огонь, появились первые жертвы. Пехота залегла, ведя ответный огонь. Дальнейшее ее продвижение зависело от выдворения противника из леса. Для этого требовалась помощь артиллерии. Необходимо было как можно быстрее открыть по нему огонь из орудий. В этот момент я находился рядом со своим радистом. Быстро подготовил по топокарте расчетные данные для стрельбы, а радист связался по радию с артбатареей и стал передавать мои команды для ведения огня.

Батарея открыла огонь. Сначала был произведен выстрел из одного орудия. Он оказался удачным. Затем стали вести огонь изо всех орудий одновременно. Противник, неся потери, вынужден был отойти. За этот бой меня наградили орденом Отечественной войны II степени, а радиста – орденом Красной Звезды.

Наступило мирное время. 314-й ГАП разместился на окраинах Карлсбада. На базе нашего артдивизиона была создана учебная батарея по подготовке сержантского состава: мне присвоили звание «лейтенант» и назначили в эту батарею на должность командира учебного взвода разведки.

В октябре 1945 года 3-ю гвардейскую армию и входившие в нее соединения и части расформировали. По этой причине учебная батарея в полном составе вошла в учебный дивизион 431-й артбригады 78-й гвардейской СД, который дислоцировался в Венгрии в г. Татабанья.

В конце мая 1946 года эта дивизия также была расформирована. Поэтому меня направили на такую же должность в 32-й гв. ГАП 13-й гв. МД, который находился в Вене (Австрия). В этой должности я прослужил до июля 1948 года. Затем уехал в Ленинград в свя-

зи с поступлением на автотракторный факультет Военно-транспортной академии.

После окончания академии я проходил службу в автослужбе Воронежского военного округа (1954-1959), на военной кафедре Воронежского инженерно-строительного института (1960), в отделе военно-учебных заведений Московского военного округа (1961-1967). Затем был прикомандирован к ЦК ДОСААФ СССР в Управление военно-технической подготовки на должность начальника отдела автомобильной подготовки – заместителя начальника управления (1968-1984).

Был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени. Этот орден мне вручал председатель ЦК ДОСААФ СССР,

трижды Герой Советского Союза маршал авиации А.И. Покрышкин.

Я уволился из армии в январе 1984 года в звании полковника, прослужив в ней более сорока лет. В марте 1985 года в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне меня наградили вторым орденом Отечественной войны II степени.

Награжден 30 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

А в декабре прошлого года был награжден орденом «За заслуги в ветеранском движении», который мне вручил генерал армии М.А. Моисеев.

Владимир Александрович Василёв

Я, Василёв Владимир Александрович, родился и окончил школу в поселке Полотняный Завод Калужской (во время войны – Смоленской) области. Помню страшное и героическое время – войну, был в оккупации. Когда поселок освободили от фашистов, мне было 7 лет. Детская память многое сохранила – все военное время перед глазами, помню и начало войны, и ее окончание. Вместе со сверстниками приходилось помогать соседнему колхозу, собирать посылки на фронт и т.д. Сейчас я – профессор Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева. Имею почетные звания и государственные награды. Автор более 250 научных работ и литературных публикаций. Проживаю в районе Митино.

ПЛЕНЕННЫЙ, НО НЕ РАБ

Умой тети Елизаветы Николаевны Костюхиной (до замужества – Василевой) было два сына – Владимир Михайлович и Николай Михайлович. Оба – люди трагической судьбы: в начале Великой Отечественной войны Володя умер от ран, полученных на фронте, а Коля пропал без вести...

...Огромной ценой была оплачена Победа. Наступило мирное время, кое-что из военного лихолетья подзабылось. И вдруг в одном из номеров журнала «Знамя» за 1979 год появляется публикация известного поэта М. Матусовского, которая потрясла нашу семью, заставила вновь ощутить огненное дыхание войны. Привожу полностью фрагмент из этой публикации, особенно взволновавший нас (речь идет о посещении М. Матусовским одного из фашистских лагерей для военнопленных).

«На старых, крашенных и потому лучше сохранившихся, досках можно прочесть целую повесть о человеке неукротимого характера, которого должны были побаваться даже тюремщики. С трудом удалось мне восстановить следующие слова: «Здесь сидел беглец Костюхин Н.И., бежал из Дрездена 13.04.44 г., попал 28.04.1944 г., был в побеге 15 суток, сидел. Это второй побег. Сидел в 43 г. Еще побег из Шавлеи лагеря, но не сидел, не признался. Попался в 1941 г.». Невозможно спокойно читать строки бойца, называющего себя «бегльцом Костюхиным». С сорок первого по сорок пятый вел он с немцами в одиночку, без однополчан и товарищей, свою личную Великую Отечественную войну. За это время у него выработался особый инстинкт,

как у птицы, сидящей со сложенными крыльями, но ждущей, чтобы только на секунду приоткрыли клетку. Он бежал из одного лагеря для военнопленных, его поймали. Бежал из Шауляя и снова попался. И жил лишь тем, чтобы подстеречь время и опять пуститься в бег. Его отправили к черту на кулички. Он рванул и оттуда, хотя понимал, что это безнадежно. Пятнадцать суток жил на воле, прятался от людей в саксонских лесах, питался кореньями и древесной корой. На шестнадцатые сутки его выследили, обложили со всех сторон, накрыли, защелкнули наручники, нацепили ему на грудь нашивку с красными белыми кругами, которой метили всех беглых, и уже закованными в железо руками написал он повесть о человеке, рожденным быть свободным».

Вот такая героическая история произошла с красноармейцем, а затем пленником Костюхиным. Был ли он моим родственником? С уверенностью сказать не могу. В пользу моего предположения – довольно редкая фамилия, а также характер неукротимого пленника. По рассказам, наш Коля был удалым, неунывающим, смелым и сильным человеком. Имел богатый опыт, полученный на финской войне. Не противоречат предположению и приводимые в публикации даты. Что касается неувязки с инициалом «И.», указанным М. Матусовским, так ведь он сам отмечает, что написанное на лагерных досках «с трудом удалось ему восстановить». Не исключено, что пленником были нацарапаны инициалы «Н.М.».

В любом случае Н. Костюхин – мой и ваш, читатель, соотечественник, мужество и несгибаемая воля которого поражают.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ

Наши войска, в основном пешие, отходили к Москве. Временами их было так много, что за поселком они заполняли весь большак, его обочины и прилегающие перелески. Остановившийся у нашего дома, чтобы выпить, пожилой красноармеец с горечью глухо произнес: «Ох, силен немец, не остановишь, драпаем от самой границы».

Мы с сестрой и старшим братом часто ходили к пригорку, где большак шел на подъем к соседней деревне. Нас не оставляла надежда среди отступающих увидеть отца, воинская часть которого совсем недавно распалась где-то рядом. Полмесяца назад он непостижимым образом сумел заскочить домой на похороны матери (нашей бабушки).

В один из дней на обнаженной стенке откоса, который глядел на большак, появилась надпись, выложенная вдавленными в глину камушками из известняка, а потому заметная даже в полутьме: «Папка, мы здесь (и имена)». Надпись сопровождалась датой (шел август 1941-го). В последующие дни наше любопытство усилилось: дата менялась.

Как-то подойдя к откосу пораньше, мы увидели маленькую девочку и молодую женщину, явно не из местных жителей. Они выкладывали очередную дату. Сестра завела разговор. Оказалось, что наши новые знакомые - жена и дочь командира Красной армии, вместе с бойцами принявшего на границе первый удар немцев, сами же они проживали в Минске, и вот теперь - беженцы. Мама девочки была убеждена, что муж не погиб, где-то рядом, и они с ним обязательно встретятся...

В сентябре стало тревожнее. Самолеты противника, летевшие на Москву, иной раз сбрасывали несколько бомб на наши дома. Среди отступающих значительно возросло число раненых, поэтому трехэтажное здание поселковой школы отдали под госпиталь. Старое кладбище все больше обрастало воинскими могилами. Девочка и ее мама исчезли...

Как сложилась их дальнейшая судьба? Удалось ли выжить в страшной войне? Дочке командира, если все обошлось благополучно, сейчас около 80. Она, конечно, помнит поселок в Смоленской области и поиски отца.

ИЗ ЗАКОУЛКОВ ПАМЯТИ

Вдверь дважды ударили кованым ружейным прикладом. Мальчик, сидевший на кровати, вздрогнул и схватил мать за руку. За семь месяцев войны он перестал бояться многого: фашистских танков, орущих солдат и даже смерти. Он мог испугаться лишь на мгновение: от злобного окрика, взрыва, не-

доброго стука. Неделю назад мальчик испытал потрясение и, впервые в жизни, сострадание, увидев, как по заснеженному поселку гнали наших военнопленных - оборванных, обессилевших, униженных и беззащитных. Впоследствии он, почитатель военного кино, даже в фильмах не видел ничего подобного.

Крючок, державший дверь, от очередного удара выскочил из скобы, и в дверном проеме показалось небритое лицо солдата. «Weg, weg! Schneller! (Вон, вон! Быстрее!)» – злобно скомандовал он (после поражения под Москвой оккупанты озверели). Наскоро одевшись, мальчик и его мама выбежали на ночную улицу, метров за тридцать от них она польхала. У отступающего врага все было организовано по-немецки точно: двое солдат выгоняли жителей из домов, двое других, разбивая окна, бросали в них горящую паклю, наконец, еще двое с автоматами наперевес следили, чтобы никто не спрятался и не стал тушить горящее жилище. «Полный ordnung (порядок)».

Стоял январь 1942 года, необычайно морозный. Изгнанники направились на другой конец поселка к знакомым. Раза два их останавливал патруль. От огня, польхающего по обеим сторонам улицы, было светло. Жара и копоть сдавливали дыхание. Несмотря на жестокий мороз текли ручьи...

Через сутки знакомые, приютившие погорельцев, повторили их участь. Фашисты ночью всех выгнали на заснеженное поле, в домах же оборудовали огневые точки. Люди рыли в снегу ямы, в них бросали захваченные с собой мягкие вещи и располагались на них. Мать легла, прикрывая собою мальчика так, чтобы ему было теплее и безопаснее. От напряжения и усталости он быстро заснул.

Разбудили его выстрелы. Только что возшло солнце, по полю в белых масках латах бежали красноармейцы. Стучал немецкий пулемет. На опушку прилегающего к полю леса выполз танк. Немного развернувшись, он сделал выстрел в сторону поселка, затем – другой. И вдруг все стихло. Пробежали мимо последние из наступавших. Враг

спешно покинул поселок. Танк скрылся в лесу. Остались лишь белое поле да синее небо. Боя как будто и не было.

К вечеру мальчик и мать попали в маленькую, чудом спасшуюся от пожара избушку. Кроме них в нее набились еще человек десять-двенадцать. Было душно и неимоверно тесно, но чувство опасности прошло, особенно когда появился красноармеец, ладный, веселый, в белом полушубке, шапке-ушанке и высоких валенках. Мальчику он показался сказочным героем, а затем и волшебником, когда, порывшись в вещмешке, извлек большой солдатский сухарь. Размоченный сухарь сделался необычайно вкусным (возможно и потому, что более двух месяцев мальчик не видел хлеба).

Мчались дни, пролетали месяцы, наступило лето. Поселок представлял сплошное пепелище. Стоял устойчивый запах гари. На месте домов – холмики битого кирпича (за поджигателями обычно шел солдат, бросавший гранаты в оставшиеся после пожара остовы огромных, называемых русскими, печей; и здесь с немецкой тщательностью все было продумано: нельзя было оставлять ни малейшей возможности обогреться ни жителям, ни красноармейцам).

Трудности не пугали, жители взялись за восстановление разрушенного. Заработала бумажная фабрика, а с осени – школа. Полностью же отстроился поселок лишь в конце 40-х – начале 50-х. Мало-мальский достаток в большинство семей пришел еще позже. Невосполнимыми оказались лишь потери родных и близких. В память о них поставлены два обелиска. Недавно появился третий – французским летчикам из авиаполка «Нормандия-Неман», начавшим свой боевой путь на этой земле.

Сергей Григорьевич Стопалов

Эти рассказы прислал наш читатель Сергей Григорьевич Стопалов. Он родился в 1924 году. Летом 1941-го, «подправив» возраст, в 17 лет добровольцем оказался в пехоте. Прошел маршрут Москва – Смоленск – Наро-Фоминск, был ранен и отправлен в московский госпиталь. По достижении 18 лет официально призван в армию, побывал в нескольких училищах, откуда попросился на фронт. При распределении прошел курсы артиллеристов и, досрочно сдав экзамены в учебном полку, попал на фронт. Старшим сержантом, командиром орудия 236-го гаубичного полка 63-й Брестской бригады 22-й Гомельской артиллерийской дивизии прошел от Белоруссии до Эльбы. Демобилизован в Берлине в 1947 году.

С войны вернулся с наградами и тринадцатью благодарностями Верховного главнокомандующего. Первую свою медаль – «За боевые заслуги» – получил за то, что его расчет выкатил гаубицу на прямую наводку и подавил минометную батарею противника, обеспечив продолжение наступления наших войск. Ордена Красной Звезды удостоен за участие в артподготовке во время операции «Багратион» в Белоруссии.

ДВА РАССКАЗА О ВОЙНЕ

В 1973 году я получил приглашение на встречу с ветеранами, посвященную 30-летию нашей дивизии, и тут же позвонил Сергею Авдееву – в Москве нас осталось только двое. Договорились поехать. В самолете перебрали всех товарищей и командиров, представляя себе, с кем, возможно, придется повидаться.

В гарнизоне, устроившем встречу, нас тепло приветствовали молодые солдаты, разместили в хороших комнатах, а после добротного обеда повели в актовый зал.

После небольшого вступительного слова объявили порядок встречи. На сцену будут приглашать по полкам. Каждого ветерана просят в нескольких словах рассказать о себе и о самом запомнившемся дне войны.

Мы с Авдеевым сидим во втором ряду, слушаем выступающих и глазами ищем своих. Никого!

Вызывают из 278-го полка, приготовиться нашему 236-му. Выходим к сцене. На нижней ступеньке стоит высокий, полный незнакомый генерал в парадной форме. Подходит еще один пожилой мужчина, тоже незнакомый. Серега негромко говорит мне:

- Что-то нашего полку мало прибыло...

Генерал, услышав его голос, вздрогнул.

- Сержант Авдеев?

- Лейтенант Ломакин?! – это он генералу.

И сразу же в памяти возник образ молодого стройного лейтенанта, командира взвода управления пятой батареи нашего дивизиона. С этим лейтенантом Авдееву однажды довелось ходить в разведку.

Это было осенью 1944-го. Им была поставлена задача выявить в ближайших тылах немцев огневые точки и проверить наличие противника в населенных пунктах, расположенных за лесистой возвышенностью.

Дождавшись темноты, вброд перешли речку и углубились на пять-шесть километров за линию фронта. Обойдя нужные деревни и зафиксировав в памяти все увиденное, пошли назад. Немного не дойдя до прибрежных кустов, заметили колонну немцев, про-

двигавшихся вдоль линии фронта и преградивших им путь к реке. Решили переждать, зарывшись в копну свежего сена. Легли головами в разные стороны, проделав в сене небольшие отверстия для наблюдения. Думали, что ждать придется недолго. Но колонна остановилась на дневку в лесу метрах в трехстах - видимо, она продвигалась только ночью.

Когда поняли обстановку, что-либо предпринять было поздно. Оставалось только тихо лежать и ждать.

Неожиданно Сергей услышал шаги. Ломакин тут же ногой дал знать, что и он слышит. Оба почти перестали дышать. А подошедший немец спокойно справил за копной нужду и вернулся к своим.

После его ухода лейтенант прошептал:

- Не спать. Смотреть в оба. Если обнаружат, будем отстреливаться и уходить к реке. Там кусты, может, повезет...

Так и лежали они до позднего вечера. Еще несколько немцев приходили к копне по тем же делам. А в сумерках колонна двинулась дальше, и разведчики без приключений вернулись в полк.

Случай этот постепенно забылся. И вот теперь немолодые люди, не обращая ни на кого внимания, как мальчишки, перебивая друг друга, вспоминали тот эпизод.

Посмотрев на Ломакина критическим взглядом, Авдеев засмеялся:

- Да, сейчас, пожалуй, под той копенкой мы бы не поместились!..

* * *

Еще удивительнее случай мне рассказал знакомый физик, Иван Васильевич Кривицкий, вернувшийся из Швейцарии, где участвовал в научном симпозиуме.

После удачного доклада Кривицкий ожидал в фойе своего товарища. К нему подошел незнакомый немец. Извинившись за беспокойство, волнуясь, сказал, что уже видел однажды уважаемого профессора. Иван, не узнавая, пытался понять, что ему нужно. И незнакомец начал рассказывать.

Весной 1945-го в районе Кенигсберга двигалась колонна танков, а по обочине шли немецкие беженцы. Неожиданно из толпы выскочил парнишка и оказался на дороге в нескольких метрах от тяжелой машины. Танкист резко затормозил, и командир, стоявший в открытом люке, больно ударился о его край. Естественно, последовали энергичные выражения на чистом русском языке. Мальчишка убежал, танки продолжили движение.

Немец внимательно смотрел на Кривицкого. Действительно, он воевал в Прибалтике. Но зачем об этом говорить... Иван Васильевич, мило улыбаясь, сказал, что незнакомец, видимо, ошибся. Он никогда не был танкистом. Но немец не поверил:

- Нет, как только вы начали выступать, я сразу же услышал голос того советского танкиста. Это были вы!

Иван ничего не ответил и пошел к выходу. Это, конечно же, был он.

Айдын Утешевич Билялиев

Куляш Айдыновна Гаврилина, 1941 года рождения, ветеран труда, прислала в редакцию свои воспоминания об отце, прошедшем дорогами войны и прожившем трудную, но счастливую жизнь.

В ПАМЯТИ ОСТАЛАСЬ ЕГО БЕЗУКОРИЗНЕННАЯ ЧЕСТНОСТЬ

Мой отец Айдын Утешевич Билялиев, 1911 г.р., капитан, политрук, воевал на Калининском фронте. Воевал недолго - был тяжело ранен в колено. В госпитале в г. Канаш Чувашской АССР пробыл до 1943 года с подвешенной ногой: врачи сразу хотели ампутировать, но папа уговорил их не отрезать - как он мог приехать к молодой жене без ноги!

Мы с мамой, Хаят Тарифовной Азимуратовой (она оставила при регистрации брака свою фамилию как признак самостоятельности), бабушкой и маминной сестрой во время войны жили в поселке Чапаево Западно-Казахстанской области, на берегу Урала. У нас было много высланных из Поволжья немцев, с их легкой руки я, нареченная папой в честь народной артистки СССР именем Куляш, получила обиходное имя Клара, и папа в письмах называл меня только Кларой. Писал часто, очень переживал за нас: «Привет бабусе, пусть она не беспокоится, скоро будем вместе и жить станет лучше всех!

Вот ты ей прочитай приказ т. Сталина от 23 февраля, где сказано, что скоро будет освобождена вся советская территория от фашистов. Раз т. Сталин сказал, то так и будет».

Ели мы в основном картошку, овощи со своего огорода, держали кур, гусей. Я даже помню, как мы ходили с бабусей на берег Урала, где она стирала, а я присматривала за нашей козочкой.

Папа вернулся домой в 1943 году на костылях, потом ходил с клюшкой, потом просто хромал с несгибающейся

ногой. Никаких нежностей к детям (нас потом стало шестеро) не проявлял, нотации нам не читал, но в памяти осталась его безукоризненная честность, любовь к жене, детям. Его поступки западали нам в сердце без дополнительных объяснений.

Когда они с братом Сулейменом до войны учились на рабфаке, получали стипендию как дети бедноты из чабанской семьи. На комсомольском собрании папа выступил с предложением отменить им стипендию, т.к. им с братом присылают из аула мясо, а другие студенты голодают. Папины идеи настоящего правильного коммуниста были с ним до последних его дней.

Он работал секретарем Казжаловского райкома партии. Для большой семьи выдали четырех полудохлах коров, которые своими ногами не могли дойти до Заготскота. Но мама и бабушка были миссионерами добра и культуры. В чисто казахском поселке, где кроме бешбармака и баурсаков никто ничего не знал, бабушка научила соседей печь пироги. Мама с коллективом детского дома подняла целину и вырастила картошку, арбузы, дыни, овощи, обеспечив сирот едой.

Потом папа работал председателем исполкома Уральского горсовета (по-нынешнему - мэром Уральска). Мы жили в полуподвальном этаже дома с туалетом на улице, печь топили углем. На все мамыны увещевания был один ответ: «Другие живут еще хуже!»

Утром перед школой ели арбуз с хлебом. Помню радостный крик братишки, бегущего в школу навстречу мне (мы учились в разных сменах): «Клара, сахар купили!»

Последние годы до ухода на пенсию в 1972 году папа работал заведующим

партийным архивом Уральской области и своим старанием, творческими поисками и находками довел этот, казалось бы, незначительный отдел обкома до лучших в Казахстане.

На пенсии папа вел интересную и насыщенную жизнь: перечитал «Войну и мир» Толстого, довольно часто выступал в местной газете, устно пересказывал маме свою жизнь («сегодня у нас 1929 год»). Жаль, что мы тогда не записали его рассказы...

Я помню только его вздох: «Бедный маленький Айдын!» Это на вопрос, как к нему относились жены его отца (его собственная мать, первая жена отца, умерла)...

И я, теперь уже сама прожившая немалые годы, очень высоко ценю то, что папа прожил совместно со своей тещей, маминой мамой, до самой ее смерти, и, когда та уже не вставала, папа утром первым делом поил чаем бабулю. Папа очень любил внуков и внучек, баловал их, особенно первую, Лилию: «Я своих детей не успел рассмотреть, как они выросли, а внуки - такие сладкие!»

Мы очень долго жили совместно с маминой сестрой, мамой Галей, и ее дочкой Рамзией, которая до 17 лет звала нашего папу «папой». Ее отец погиб в Великую Отечественную, я так завидовала, когда сестре выдавали по ленд-лизу как дочке погибшего то одежду, то банку красивую с тушенкой... А теперь Рамзия - наша гордость, кандидат наук, бабушка двоих внуков.

Папа поставил на ноги племянника, который жил у нас, учился.

Разное было в нашей жизни. Папа ушел довольный. Все дети получили высшее образование, создали семьи, внуки тоже не позорят его.

Хамид Каримович Миножетдинов

Родился в Москве 5 декабря 1931 г. Более 30 лет наша семья жила на Садовом кольце, на Новинском бульваре, и 50 лет в пятиэтажке, что на улице Народного Ополчения. Работал в организациях по проектированию дорог и мостов в должности главного специалиста. Проекты МКАД, автомобильные мосты через р. Белую на обходе Уфы, через р. Обь в Барнауле, Новосибирске, Сургуте, в Ханты-Мансийске, через р. Волгу в Волгограде, Саратове, Ульяновске, Ярославле, через р. Вятку в г. Кирове, через р. Каму в Перми, через р. Каму на автодороге Казань – Чистополь, в Самаре выполнены, объекты построены и успешно эксплуатируются. Принимал участие в составлении транспортного раздела в ТЭО Генплана г. Москвы. Последний проект (вышел на пенсию в 2009 г.) – участие в проектировании Звенигородской (Краснопресненской) автомагистрали с мостовым переходом через р. Москву в створе ул. Живописной, с тоннелем и выходом на Ново-Рижское шоссе, которые решили часть транспортных проблем в Москве.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ В ВОЕННОЙ МОСКВЕ

Маленький подвиг арфистки Вероники Дударовой, который она совершила в зале дома ученых, что на улице Кропоткина (бывшей Метростроевской улице) в Москве, в феврале 1943 г.

Билеты были пригласительные, насколько я помню.

Мы, дети, школьники и взрослые, все сидели в шапках, в пальто, в холодном и в неотапливаемом большом зале, от дыхания шел пар, а Вероника Дударова вышла на сцену в длинном, открытом белом концертном платье и на арфе играла все, от классики до народных песен.

Всем нам было так радостно слушать в прифронтовой голодной Москве знакомые мелодии и песни, это был знак, надежда на победу. Война идет, а у нас уже мирная жизнь.

Она внушала нам уверенность, что мы победим.

Вероника Дударова играла еще несколько произведений, и мы радостно хлопали в ладоши, все вместе подпевали слова известных песен, так как воспринимали ее игру как надежду на нашу победу, на возвращение к мирной жизни.

Под конец мы все дружно спели родную «Катюшу»:

«Расцвели яблони и груши, поплыли туманы над рекой, выходила на берег Катюша, на зеленый берег на крутой».

Слух об этом удивительном концерте прошел по всей Москве, все поняли нашу уверенность в победе. Это был такой нужный нам всем подвиг Вероники Дударовой, ее маленький вклад в победу, она вдохновила всех в зале, радостная волна об этом мирном концерте прошла по всей Москве и донеслась до фронтовых окопов.

Значит, есть крепкий и надежный тыл и поддержка фронту (был лозунг

«Все для фронта, все для победы»), и если проходят мирные концерты, то, значит, мы сильные, и мы обязательно победим.

Стала выходить любимая москвичами газета «Вечорка» – «Вечерняя Москва», летом открылась Третьяковская галерея, что в Лаврушинском переулке.

Людмила Морозова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Когда началась война, дедушка мой, Александр Сергеевич Княжев, 1899 г.р., ушел добровольцем на фронт, оставив дома жену и семерых детей. Был политруком, воевал в разных частях под Тулой, Воронежем, Иловлей, Курском, Брянском, Добружем. Затем был назначен командиром стрелкового взвода 1227-го стрелкового полка 369-й стрелковой дивизии. Был он уже старшим лейтенантом. В семейном архиве хранятся два письма с фронта, адресованные моей маме, Собкаловой (Княжевой) Октябрине Александровне, в годы войны она была подростком. Спрашивал ее о делах житейских, интересовался здоровьем, настроением семьи, писал «пару слов о себе»: «Живу пока хорошо, а впредь ожидаю еще лучше». К войне дедушка относился как к нужной, важной и большой работе: «Когда я работал в Рильске... Со старого места работы я выехал... как видно, остановлюсь на работе около этого места... здесь работы очень много». Эти его слова оказались последними. Под Могилевом Александр Сергеевич погиб. В семейном архиве сохранили похоронку: «В бою за социалистическую Родину, верный воинской

Несколько позднее начал работать зоопарк.

В 1943 г. была построена и продлена линия метрополитена от станции «Курская» до станции имени Баумана, что также укрепило нашу веру в победу.

Прошло более 70 лет, и этот душевный подъем, восторг вспоминаются до сих пор.

присяге, проявив героизм и мужество, был убит 25 марта 1944 года...»

Его родной брат, Григорий Сергеевич Княжев, 1914 г.р., кадровый военный, гвардии лейтенант, командир минометного взвода, умер от ран в ноябре 1942 г. Новгородская земля хранит его останки в братской могиле вместе с 3948 советскими солдатами и офицерами.

У моей бабушки, Анны Павловны Княжевой, тоже был родной брат, Григорий Павлович Безродных, 1901 г.р. Он воевал стрелком в 721-м стрелковом полку 205-й стрелковой дивизии, дошел до Польши и был убит почти в самом конце войны (март 1945 г.) в поселке Рогулево.

Больше повезло другим родным братьям дедушки и бабушки: Николаю Сергеевичу Княжеву, 1912 г.р., и Петру Павловичу Безродных, 1914 г.р.

Николай Сергеевич начал воевать 14 ноября 1941 г. под Ельцом в частях 48-й армии, имел звание старшины. Дошел до Кенигсберга и демобилизовался 1 января 1946 г. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За взятие Кенигсберга», «За отвагу»,

орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. После войны работал директором молокоперерабатывающего предприятия в селе Паламохино Мурашинского района Кировской области, председателем колхоза «Свет» там же, мастером в химлесхозе. Умер он в 1999 г.

Петр Павлович Безродных, кадровый военный, сражался на фронтах Великой Отечественной с 1941 по 1944 г. Война закончилась для него в Польше. Был дважды ранен, один раз контужен, отмечен медалями «За оборону Кавказа», «За отвагу», орденом Красной Звезды. Капитаном в 1944 г. его перевели в Псков, в погранвойска. Затем служил в Эстонии, Армении, Туркмении. В отставку ушел в звании майора пограничных войск. Поселился с семьей в Бресте, работал начальником АХО фабрики верхнего трикотажа. Петр Павлович был представлен к ордену Отечественной войны 1-й степени, но, к сожалению, подтверждение этому пришло уже после смерти воина (умер в январе 1983 г.).

Страна помнит своих защитников: все мои деды занесены в

«Книгу Памяти», которая хранится в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Поклонной горе.

А бабушка моя, уже упомянутая Анна Павловна Княжева, 1904 г.р., всю войну работала в колхозе «Свет». Она выполняла полторы нормы, тогда это называлось полтора трудодня, имея восьмерых детей (дочь Любовь родилась после побывки дедушки). Мама моя, о которой тоже уже говорилось, когда началась война, была 15-летней школьницей. Каждые каникулы она трудилась в том же колхозе на разных работах. После войны была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Без дела не оставались и малыши, тети и дяди мои. Они помогали по хозяйству.

Эту память сердца я передала своим, теперь уже взрослым, детям. Пусть она будет у всех людей Земли. Пусть она будет вечной и действенной: миру – мир.

Римма Александровна Марутько

В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ

Я хочу рассказать о себе. Во время войны наша семья оказалась на территории Белоруссии в городском поселке Улла Бешенковичского района Витебской области.

В июне 1941 г. мы приехали из Москвы к бабушке на лето. Когда началась

война, считали, что немцы до нас не дойдут, а потом уже невозможно было вернуться в Москву.

Вскоре пришли немцы. Мы оказались на оккупированной территории. В городском поселке Улла разместился немецкий гарнизон, там рядом был аэродром.

Через некоторое время начало формироваться партизанское движение. В Улле были созданы спецгруппы, которыми руководил старший лейтенант Попковский Леонид Александрович.

В 1941 г. он был оставлен обкомом партии в Витебской области в подполье еще перед войной для создания в случае войны подпольных групп из местного населения в помощь партизанам и Красной армии. В одну из групп входили моя бабушка Евдокия Денисовна Суторма, моя мама и другие родственники.

Подпольщики добывали секретные сведения о дислокации и перемещениях немецких частей, о намерениях немцев производить налеты на партизанские отряды и другую ценную информацию. Но передать эту информацию партизанам было невозможно, так как из Уллы никого не выпускали. Поселок расположен в излучине двух рек - Западной Двины и Улянки, а на мостах стояли патрули.

Так как иной возможности не было, мои родные решили пойти на риск и привлечь к опасному делу меня. Они надеялись, что ребенок (мне было 9 лет) не вызовет у немцев подозрения. Записки с ценными сведениями зашивали под подкладку курточки, давали корзинку с едой и отправляли через пропускной пункт. Я очень страдала, приближаясь к патрулям, так как знала, что всех, кого уличали в связях с партизанами, жестоко пытали, а потом вешали на столбах для устрашения населения.

Время было очень голодное. Внимание немцев привлекала корзинка со снедью, которую они отбирали, а меня прогоняли через мост. Я шла в деревню Шаурино (4 км от Уллы), куда один-два раза в неделю ночью приходили партизаны к Анне Денисовне Ескун

(сестре моей бабушки) и забирали мои донесения.

Так продолжалось долго, а когда стало опасно оставаться в Улле, наша семья ушла в партизаны, отряд имени Щорса (командир Борис Алещенко), бригада имени Чапаева.

Роль связной была строго законспирирована. Никто не должен был знать, что секретные сведения доставляет ребенок. Полученную информацию использовали не только партизаны, а особо важные сведения передавались в войска Красной армии, так как в это время партизаны уже имели связь с Большой землей.

Именно благодаря этому обстоятельству, когда наша семья была уже в партизанском отряде, зимой (в конце 1943-го или начале 1944-го) партизанским командованием было принято решение отправить нашу семью (меня, маму, брата Александра 16 лет - боец отряда) в Москву. «Аэродром» был на озере у деревни Плины, недалеко от г/п Ушачи. К сожалению, улететь нам не пришлось, так как мама уступала места в самолетах раненым и ждала, когда будет свободный рейс. Но бои участились, раненых прибывало. А к весне «аэродром» перестал функционировать.

Бои приближались, и вскоре мы оказались в центре боевых действий. Наш отряд распался после боев под Ушачей весной 1944 г. После очередного боя немцы собрали оставшихся жителей деревни, поделили на две группы: стариков и малолетних детей - в одну группу, которую они тут же и расстреляли из автоматов. Со второй группой, в которой были мы с мамой, они собирались поступить также. Мы с мамой уже попрощались, но вдруг бежит вестовой с листом бумаги, где предписывалось оставшихся людей при-

гнать в Ушачи, где их будут сортировать: кого-то отправлять в Германию, а остальных - уничтожить. Нас загнали в большой сарай. Но ночью нам удалось бежать. Долгий путь лесами, через выжженные села. Наконец мы снова в деревне Шаурино. Это было время, когда немцы отступали, и, находясь последние дни в Белоруссии, они очень лютовали, сжигали дотла деревни, а жителей сгоняли в сараи и тоже сжигали. Так же случилось и с нами: нас загнали в сарай и собирались его поджечь. Мамы уже с нами не было. Бабушка мне сказала: постарайся заснуть, и ты окажешься в раю, так как ты много сделала для спасения людей. Мне удалось заснуть, а когда проснулась, то реши-

ла, что я в раю, так как увидела, что в широко распахнутые двери сарая бьет яркое солнце, а вокруг радостные и счастливые лица, и на этом фоне фигуры наших бегущих солдат-связистов.

Оказалось, что накануне что-то помешало немцам осуществить их жестокий план. Они сами еле ноги унесли, бежали в нижнем белье. Накануне слышались звуки канонады, но мы не знали, что это было приближение наших войск. А утром нас освободили. Это было счастье!

Так закончилась для меня эта страшная война, которая принесла мне большое горе - со мной уже не было мамы. Она навсегда осталась в белорусской земле.

Валентина Матвеевна Трубинова

ФРОНТОВАЯ СУДЬБА

Мой рассказ об отце - Кашковском Матвее Ермолаевиче. Он родился 14 августа 1903 года в селе Марчуки Рязского уезда Рязанской губернии в бедной крестьянской семье, где было 14 детей.

Матвей был первенцем и любимцем. Рос любознательным. Закончил церковно-приходскую школу, получив свидетельство, написанное, как говорила бабушка, его мать, золотыми буквами. У него был каллиграфический почерк, он сыпал пословицами и поговорками. Но учиться дальше не пришлось. Надо было пахать и сеять, помогать родителям. Работал Матвей до седьмого пота, а вечером отправлялся с парнями в соседние деревни на гулянья.

В маленькой деревеньке Палешовка понравилась ему кроткая Анна, которая росла с отцом, без матери. На старый Новый год 1924 года, за неделю до смерти Ленина, сыграли свадьбу. Во время венчания, когда молодые обменивались кольцами, кольцо Матвея упало и покатилося. Весь приход ахнул. Было ясно, что жених откатится раньше невесты.

В доме отца теперь стало 17 душ. А тут грянула и коллективизация. В молодой семье было уже 2 дочери.

По домам ходили уполномоченные. К этому времени у Кашковских во дворе стояла старая рушника. Она была на 12 дворов. Семья была признана кулацкой. Было взято все, в том числе и куры. Деда, Ермолая Анисимовича, израненного и контуженного на полях

1-й Мировой войны, посадили в Рязскую тюрьму. У бабушки Александры Анисимовны горлом пошла кровь...

Соседка давала нашим маленьким сестренкам по крынке молака на кашу. Дед отсидел 8 месяцев на цементном полу, обезножел. Освобождение пришло благодаря письму, написанному Калинин у братом отца Михаилом, служившим в Красной армии в Москве. Дед посоветовал сыновьям уехать в большой город и затеряться там, спастись от преследования.

А пока наши родители одними из первых вступили в колхоз «Светлый путь». Работали по-ударному, за что не раз награждались кумачом, а однажды маме подарили платье. Время было трудное. Мануфактуру достать было невозможно.

К этому времени в семье Матвея и Анны - уже четверо детей. Родились Миша (1930) и Надя (1933). А тут разразился голод. Председатель колхоза посоветовал отцу увезти семью в город, выдал ему справку. Паспортов тогда в деревнях не было.

И отец отправляется в Москву один, на разведку. А в семье новая беда: умирают от детских болезней Миша (на 3 году) и 9-месячная Надя. А в 1935 году рождается еще дочь - тоже Надя.

Отец живет в каморке с родителями, уехавшими в Москву раньше, в районе Тушинской чулочной фабрики, где работают старики. Он поступает на строительство станции метро «Аэропорт». 6 раз в неделю он проделывает пешком путь в 30 км (15 км – на работу и 15 км – с работы), никогда не опаздывает. Он – чернорабочий. В его руках – тачка и лопата.

В 1938 году отец привозит в Москву свою семью с родины. Отчий дом продается, а старикам-родителям на эти деньги покупается старенький домик

в Подмоскowie, где они доживали свой век. Теперь в каморке на 7 кв. м живут наши родители с тремя детьми.

В 1939 году рождается дочь Валентина (автор этого письма), а в 1941 году – долгожданный сын Виктор. Закончив строительство станции метро «Аэропорт», отец поступил работать на Тушинскую чулочную фабрику, в красильный цех, на самый трудный участок.

Но вот грянула война. Все мирные планы были нарушены. Два раза отца забирали на фронт и два раза отпращивали домой, видимо, потому, что призывной возраст был с 1905 года рождения, а он с 1903. Но в день его 38-летия, в 2 часа ночи, за ним пришли. Дети отступили отца и выли как волчата. Мама с грудным сыном на руках рыдала. Горько было и отцу. Но понять, кому было хуже, невозможно...

Рано утром мама поспешила на призывной пункт. Призывники уже колоннами двинулись в путь. Мама бежала рядом и кричала: «Матвей! А как же я?» Отец ответил меткой русской пословицей: «С... захочешь – портки скинешь!» Это означало, что действовать надо по обстановке. Мама так и поступала, учила нас, а потом мы учили своих детей, а теперь – внуков, действовать также.

Дивизия отца (215-я стрелковая) защищала Москву, защищала многострадальный Ржев, и одной из первых освобождала его, а также Смоленск, получив наименование «Смоленская», а правильнее – «Ржевско-Смоленская». Далее освобождали всю Белоруссию. Из Витебска с тяжелыми боями шли в Прибалтику, в Литву.

Отец был старшим сержантом, санинструктором. К этому времени у него было уже 7 ранений. Он, ползая на поле боя, бинтовал и выносил раненых воинов на своих плечах. В 1944-м отец

*Поклонная гора, 9 мая 2014 года, акция «Бессмертный батальон»,
Валентина Трубинова (справа) с портретом отца*

был награжден самыми высокими солдатскими наградами: орденом Славы и медалью «За отвагу», но награды из-за ранений ему не были вручены.

В августе 1944 г. в ходе летней Каунасской операции дивизия форсировала реку Вилю, приток Немана. При переправе отец получил 8-е тяжелое ранение (их накрыла вражеская авиация) и утонул...

А жена и родители получили известие, что их муж и сын пропал без вести. В это же время мама получила открытку на получение медали материнства за воспитание пятерых детей, но ей было не до этого.

9 мая 1945 года, в День Великой Победы, страна ликовала, а мама повязала черный платок и редела белугой...

После войны начались поиски отца. Искали родственники, мама. А в 1956 году, когда писатель Сергей Смирнов рассказал о героях Брестской крепости, обращались и к нему.

Постоянно получали ответ: пропал без вести, а С. Смирнов ответил, что он рассказывает только о массовом героизме. Рассказать о каждом не может.

Шли годы. В День Победы мы сидели дома и плакали, потому что находились люди, которые говорили: «Пропал без вести. А может, он - предатель?»

В канун Дня Победы в 1983 году, уложив своих троих детей, оформила самодельный плакат со словами: «Ищем однополчан старшего сержанта пехотинца Кашковского М.Е., погибшего в 1944 году. Жена и 5 детей». «Погибше-

го» – вместо «пропавшего без вести», чтобы было лаконичнее, а «жена» вместо «вдова», потому что была надежда на то, что отец жив, может быть, без рук без ног, и не разрешает сообщать нам, чтобы не быть обузой.

С этим транспарантом мне пришлось стоять 9 мая у главного входа Парка Горького, центрального места сбора ветеранов в те годы.

Передо мной было море людское. Мне казалось, что произойдет чудо, что подойдет кто-то и скажет, что знает отца. Но чуда не произошло... Зато подошел человек в штатском с девочкой (внучкой) и блокнотом, а я стояла и плакала. Этот человек тихо, чтобы не ранить меня даже силой голоса, спросил, кто я этому человеку. Узнав, что дочь, стал спрашивать, что знаю об отце на войне. Отвечала, что полевую почту не знаю, что письма с фронта не сохранились. Их в минуту отчаяния мама бросила в горящую печь и долго не говорила нам об этом, а мы не могли понять, куда исчезла наша заветная коробка.

Этот человек записал наши данные, довоенный адрес, фамилию, имя, отчество мамы и убедился, что в ее судьбе был только наш отец.

В августе того же года в нашей квартире раздался звонок. Звонил руководитель клуба «Поиск» при Московском торгово-экономическом техникуме, военрук, подполковник Галутин Зиновий Вениаминович, который шагнул на войну после 9-го класса. Это он подходил ко мне в Парке Горького в День Победы.

В свободное время он работал со своими комсомольцами-поисковиками в Центральном архиве Министерства обороны СССР в Подольске, отыскивая ордена и медали, не врученные на войне.

Поиск был трудным, но он продвигался вперед. Поисковцы нашли ко-

мандира полка, в котором воевал отец. Это - Герой Советского Союза Мусланов Григорий Федорович, который жил на Соколе в доме известных военачальников. А в Житомирской области нашли Ильченко Василия Мироновича, который знал и помнил отца. Он стал старшим сыном маме (дата его рождения - 1924 г.), а нам – старшим братом. Наша сестра родилась в 1925 г.

28 октября 1983 г. в Доме культуры Тушинской чулочной фабрики состоялся вечер «Он был солдатом мира», на котором множество собравшихся, в первую очередь наша большая семья, узнали, что наш отец не пропал без вести, а утонул при переправе в далекой Литве 39 лет назад! Мама получила на вечное хранение орденскую книжку на награды отца из 44-го года: орден Славы и медаль «За отвагу».

Так иносказательно вернулся к нам отец, которому мы говорим: «Отец! Ты не сгорел в огне (в огне войны). Ты с каждым годом ближе, ближе!»

Нет могилы отца, но есть единственное место поклонения. Это обелиск на территории бывшей Тушинской чулочной фабрики. Там имя отца, но прочитав его, как и имена всех погибших (их более 100, погиб каждый 4-й ушедший с фабрики), невозможно. Помогите восстановить! Они стерлись от времени. Очень хочется, чтобы они блестели золотом! Эти защитники первыми приблизили победу, положив на ее алтарь свои жизни! Имя деда носит мой сын. Он тоже Матвей. А рядом с могилой мамы – мраморная доска, с которой смотрит на нас молодой отец в солдатской форме, а ниже слова: «Кашковский Матвей Ермолаевич. 1903 – 1944. Ты – вечно живой!» И подпись: «Потомки». А это – пятеро детей, 8 внуков, 9 правнуков и 5 праправнуков.

Лидия Ивановна Бельянинова

МНЕ ДОЛГО СНИЛОСЬ, КАК МЫ ПОЛЗЕМ

Перед войны мои родители из Московской области России переехали на Северный Кавказ, на станцию Прохладная, ныне Северо-Кавказская ж.-д., где нас и застала война. Станция Прохладная - важный железнодорожный узел на подступах к северокавказской нефти, г. Грозному, куда немцы рвались с остервенением.

Мой отец, Бельянинов Иван Дмитриевич, служил тогда в военновосстановительном поезде. Когда наши войска отступали, то они разбирали железнодорожные пути и все увозили, а когда шли в наступление и гнали немцев прочь, то восстанавливали пути. Немцы отчаянно их бомбили. Скрываясь от бомбежки, они ложились на землю лицом к небу. Я спрашивала папу: а почему лицом не к земле? Мне тогда было 12 лет. Он объяснял, что так видно, в каком направлении летит самолет, и можно предположить, куда полетят бомбы, и соответственно перебежать в более безопасное место.

Отец ушел на войну крепким человеком с кудрявой шевелюрой, а вернулся изможденным непосильно тяжелой нагрузкой на организм (шпалы и рельсы очень тяжелые) и совершенно седым, с чуть волнистыми волосами. Отцу была вручена медаль «За оборону Кавказа».

В 1942 году мы оказались с мамой в оккупации. В моих метриках зафиксировано: «6 октября 1942 г., список № 1», что означало - уничтожение в первую очередь. И еще нам было тяжело, т.к. часто бомбили немцев, соответственно и нам доставалось! У меня на всю жизнь

осталась в памяти одна из бомбежек. В тот вечер к нам пришли соседка Матрена Андреевна и ее постоялец Володя. Мы собрались ужинать. И вдруг слышим облет самолета. Соседка говорит: «Пойдемте в мой дом. Он турлушный (мазаный плетень), если нас привалит, то мы выберемся, а ваш саманный (глиняный кирпич) - мы не выберемся». От дома к дому идет процессия с жареной картошкой и солеными огурчиками под градом трассирующих пуль в небе. Только вошли в дом и успели закрыть двери, и тут страшный взрыв. Бомба попала в дом справа, мимо которого мы шли. Все осколки полетели в нашу сторону. В комнате, где нас четверо, стало темно, туманно от густой турлушной пыли, дышать нечем! И до сих пор в ушах крик соседки: «Ой ноженька моя, моя ножка!» Одна ее нога была оторвана, висела на связках и сухожилиях, другая ранена, и еще ранена рука. У постояльца Володи небольшие ранения. Мы с мамой были у самого порога и, успев закрыть дверь, пригнулись. Я осталась невредима, маме осколок прожег дорожку на белом вязаном платке, не зацепив голову. Мама смогла открыть дверь, и мы вышли во двор. Мама с Володей унесли соседку в наш полуразрушенный дом. Ближние соседи отказались помочь, хотя жили рядом много лет, а мы - приезжие, россияне - помогли. Бомбежка продолжалась, рев самолетов, стрельба. Я стою во дворе. Из одной комнаты выбегают немец-пекарь и, видимо с перепугу, хватает меня за руку, и мы начинаем бегать вокруг маскировочной

ямы для машин. Мама, увидев это зрелище, уводит меня в убежище через два дома, но соседи начинают роптать, что самим тесно, и я ухожу.

Мама ахнула, увидев меня вне убежища, и повела к другой соседке, где стояли немцы, и они разрешили укрыться в их убежище. На следующий день мы попросили немцев-медиков осмотреть раненую. Они дали заключение, что началось заражение и надежды нет. Действительно, мучения соседки прекратились быстро. Перед трагедией собака Ардон убежала из дома к пекарне, на похоронах сидела у гроба. В одной из комнат дома, куда попала

бомба, под металлической кроватью прятались мать с сыном. Они остались невредимы, без единой царапины. А в комнате, куда попала бомба, взрывная волна все вещи разметала по деревьям и заборам.

Все увиденное и услышанное отразилось на моей нервной системе. Военные фильмы с убийством не могла смотреть, начинала рыдать, мама просила уйти. Долго снилось, как мы ползем, прижимаясь к земле. И уже закончив Институт геодезии и картографии и работая, я не могла без слез слушать звуки баяна и любую душевную песню.

Ерванд Степанович Тамразов

ТАНКИ НА ГРАНИЦЕ

Я Сафразбекян (Тамразян) Лена Ервандовна. Даром писателя я не обладаю, просто излагаю все, что видела и испытывала.

Отец мой, Ерванд Степанович Тамразов, в 1939 г. был направлен в Украинский военный округ командиром полка (в г. Винницу). Вскоре он забрал к себе из Еревана меня, сестру и маму. В сентябре 1939 г. его полк участвовал в акции присоединения Западной Украины к Советскому Союзу. После этого отец был назначен военным комендантом г. Львова, а затем г. Станислава (Ивано-Франковск).

Сестра Берта была слаба здоровьем. Отец получил путевку в санаторий для детей военнослужащих в г. Евпаторию, и мама 12 июня 1941 г. выехала с ней в Крым. На это время меня, 10-летнюю, папа определил в пионерский лагерь

в Карпатах, близ деревни Дора, на самой границе.

20 июня вечером в деревне сильно выли собаки. Как сейчас помню, одна из сотрудниц лагеря сказала, что это не к добру, что-то нехорошее будет. Под утро мы услышали рокот танков, которые двигались по шоссейной дороге вдоль реки Прут. Начальник пионерского лагеря велел собраться и ждать указаний. Он видел немецкие танки со свастикой и понял, что это нарушение границы.

Днем отец отправил за мной своего водителя. Он ехал по проселкам вдоль леса и добрался к нам в лагерь. 14 детей набились в машину и по той же дороге приехали в Станислав.

Отец был очень занят эвакуацией советских учреждений и семей военнослужащих. Он попросил жену генерала

Арушаняна (начальника штаба армии), чтобы она и меня вместе со своими дочками вывезла в глубь страны. Отец вообще был уверен, что происходящее - это провокация, через неделю все устранят и мы вернемся домой.

Наш поезд вскоре был выведен из строя «местными деятелями», которые ненавидели людей из Советской страны и уже 22 июня с крыш домов стреляли в приезжих. Нас пересадили в товарные вагоны, так называемые теплушки. Долго мы колесили по железным дорогам Украины под бомбежками немцев. Помню, какие все были голодные. Папа положил мне в чемоданчик плитки шоколада, баночку со сливочным маслом и батон хлеба, но мои запасы скоро кончились. На некоторых станциях стояли красноармейцы с большими баками сваренных макарон, и мы все выстраивались в очередь, кто с бумажным кулком, кто с панамкой, а красноармейцы, охраняющие нас в вагонах, с пилотками. Все получали по половнику макарон. Кто это все организовал, не знаю, но так было.

Часто немцы обстреливали наш эшелон с самолета, и тогда поезд останавливался, все бежали в лес, а я пряталась под узлами, считала, что там меня ничего не возьмет.

Мы доехали до Киева. Как только поезд остановился у перрона, на вокзале началась страшная бомбежка. Все кругом рушилось. Я видела, как высокий пешеходный мост над железной дорогой вместе с людьми взлетел в воздух. В панике каждый бежал куда мог. После бомбежки я в ужасе, в слезах бегала по перрону и искала тетю Арусюк и ее дочерей, но тщетно.

Вдруг меня остановила какая-то женщина и спросила: «Девочка, а где твои родители?» Я с ревом сказала, что не знаю. «Ты откуда? Из этого состава, из

Станислава?» Я ответила, что да. Она внимательно посмотрела на меня, на мое заплаканное, черное от копоти лицо и спросила, не дочка ли я Ерванда Степановича. Тут я успокоилась, рассказала ей все. Мы с ней походили, искали Арушанянов, но не нашли. Тогда она сказала, что не оставит меня и увезет в Москву.

Е.С. Тамразов, слева - Берта, справа - автор Лена, после выступления в госпитале

Ольга Николаевна была женой военного корреспондента Бушланова, с которым отец подружился во время финской кампании. Они были москвичи. Ольга Николаевна приехала в Станислав в командировку и, естественно, повидалась с папой. Отец ее пригласил к нам, тогда-то она и видела меня и потому узнала на вокзале.

Приехали мы к ним домой в Москву. Она меня представила и сказала мужу: «Будет жить у нас, пока не найдем ее родителей». Я никак не могла примириться с тем, что буду жить в незнакомой семье, и очень просила найти дядю Ваню Баграмяна, перед домом которого стоит большой танк. В день моего 10-летия он с женой, тетей Тамарой, был у нас в гостях. (Иван Христофорович, будущий Маршал Со-

ветского Союза, и папа дружили еще с гражданской войны, и эта дружба у них продолжалась до конца их жизни.) Дядя Ваня рассказывал, что в Москве перед их домом стоит большой танк, и это запало в мою память. Адреса я не знала. Долго думали, где же в Москве стоит этот танк, так и не вспомнили. Тогда меня осенила мысль, я вспомнила, что дядя Ваня работает в Академии им. Фрунзе.

Бушманов позвонил в отдел кадров Академии им. Фрунзе (он тоже когда-то учился и работал там) и выяснил, что Баграмян давно переведен в Украинский военный округ. Дали его домашний адрес, но не были уверены, что семья в Москве. Мы с Ольгой Николаевной поехали. В подъезде нас остановила охрана. Мы узнали, что Баграмяны живут в квартире № 302. Пока Ольга Николаевна отвлекала охранника объяснениями, я убежала и нашла квартиру, но звонок был так высоко, что я не смогла достать и начала стучать кулаками. Открыла дверь Маргуша, дочка Ивана Христофоровича. Как только увидела меня, стала звать мою маму: «Тетя Арпик, Лена приехала!» Я слышу мамин голос из ванной, она с укором говорит Маргуше: «Хватит меня разыгрывать, все равно уеду в Станислав искать Лену!» Оказывается, мама собиралась в этот же день уезжать и любой ценой добраться до Станислава. Я, как услышала мамин голос, вошла в ванную и припала к стене. Мама смыла пену с лица и не поверила своим глазам. Мы от радости не могли успокоиться. С нами плакали и тетя Тамара, и Маргуша.

Незадолго до отъезда с Бертой из Станислава мама получила письмо от своего брата из Еревана, где он писал, что нашлась их сестра Анаид, что сейчас она в Риге и чтобы мама обязательно

поехала к ней. Мама отвезла Берту в Евпаторию, а оттуда поехала в Ригу на встречу с сестрой, которую не видела уже много лет.

В 1916 г. 15-летней Анаид похитил Карл Панке - известный скрипач, который гастролировал в Ереване и жил в гостинице нашего деда. На сцене ресторана он увидел Анаид, влюбился и увез с собой. Она была очень красивой девушкой. Пела, танцевала. Она стала актрисой. Они вместе гастролировали по Европе. Анаид снималась во многих картинах во Франции, в довоенной Германии.

С моей мамой они встретились 17 июня 1941 г. Три дня и три ночи рассказывали друг другу о своей жизни. У нее было большое чувство вины перед близкими, но она не могла дать знать о себе, чтобы не усложнять жизнь родственникам. Родители Карла жили в Риге – они прибалтийские немцы. После присоединения Прибалтики к Союзу Анаид тут же отправила письмо в Ереван своей маме, но ее уже не было в живых, и брат переправил это письмо в Станислав.

Как только стало понятно, что началась война, Анаид маму отослала в Москву, так как знала нрав немцев. В Москве, кроме семьи Баграмян, у нас никого не было. Какое счастье, что эта семья свела нас с мамой в Москве!

А потом тетя Тамара и мама начали ходить по всем инстанциям, которые занимались эвакуацией детских лагерей и санаториев, выяснили, что санаторий из Евпатории эвакуировали в Подмоскowie – в Архангельское. Мы с мамой с большим трудом попали туда. К нам вышла сотрудница и сообщила, что эшелон попал под бомбежку, много детей погибло, в том числе и Берта. Понятно, что было с нами после такого сообщения.

Мама стала собираться в Ереван, но из Москвы не выпускали взрослого население, а детей до 14 лет эвакуировали в Пензу. Я, конечно, никуда не хотела ехать, так как с Маргушей и ее группой студентов медицинского института бегала по крышам и тушила зажигательные бомбы. Я гордилась тем, что по своему участвовала в войне, на моем счету уже было 13 потушенных бомб.

С большим трудом удалось получить разрешение на выезд в Тбилиси - в Ереван не разрешили, так как это пограничный город. Нам с мамой пришлось около года жить в Тбилиси у родственников. Затем мы перебрались в Ереван.

8-летняя Берта помнила, что у бабушки и деда дом в Норагавите. Она начала писать письма «на деревню дедушке», так как не знала адреса. Эти треугольные письма, посланные в Армению в г. Норагавит «моему дедушке Степану Тамразяну», поступали в контору сельсовета. Родители отца не работали в колхозе, поэтому местные их особо не знали. Однажды, когда папина сестра навещала своих родителей, она встретила своего знакомого, главного агронома колхоза. Он спросил ее о брате и его семье. Тетка сказал, что одна дочь, Берточка, погибла, а жена с другой дочкой - в Ереване. Знакомый сказал, что вот уже три с лишним года они получают из Сибири письма от девочки по имени Берта, которая просит найти ее родителей: «Эти письма у нас в конторе во всех ящиках лежат, и ни у кого рука не поднимается их выбросить. Мы все очень жалеем ребенка и не знаем, как помочь». Сирануш вместе с ним пошла в сельсовет, собрала все письма в полной уверенности, что это наша Берта.

1 апреля у нас в городе любили шутить, обманывать и радоваться. Так со-

впало, что Сирануш именно в этот день со всеми письмами пришла ко мне в школу. Она ворвалась в класс во время урока и просила педагога отпустить меня, показывает мне письма и, от радости рыдая, говорит: «Нашлась наша Берта! Я так и знала, что она жива!»

Я, конечно, в это не поверила и стала ее укорять: «Что ты меня разыгрываешь? Не вздумай этого делать с мамой! У нее сердце остановится».

Она рассердилась, взяла меня за руку, и мы пошли к маминной сестре на работу. У нее мы все письма разложили по хронологии и увидели, как Берта начала писать большими буквами, как первоклассница, а затем - грамотнее и мельче. У нас с Бертой началась переписка, это был конец 1944 г. Она писала, что их состав был направлен в Калугу, а не в Архангельское. Они, конечно, попадали под бомбежки, но никто не погиб. Потом их перевезли в Пензу, затем в Новосибирск. Но вот уже скоро всех вернут в Евпаторию, и тогда мы встретимся.

Все близкие родственники стали собирать маму и отправили в Крым за Бертой. Берта рассказывала, когда ей сказали, что мама приехала, она вышла на балкон: «Вижу, идет высокая худая женщина, совсем не похожая на мою красивую маму!» А мама все эти военные годы тяжело переносила потери - утрату ребенка, неизвестность о судьбе мужа. Да еще болезнь. Тогда в Армении свирепствовала тропическая малярия. Всех в городе трясло. Мама тоже болела, но ей пришлось поработать во вредном цеху с бронзой, чтобы накопить денег и поехать за Бертой. Вот такой ее и увидела Берта.

Тем временем мы в Ереване готовились встречать Берту и маму. Я стою на перроне и в окнах подъезжающего поезда высматриваю Берту в белой

кофточке. Это мы с мамой придумали, я послала мою любимую блузочку, чтобы одеть в нее Берту. Думали, если я ее не узнаю, то по кофточке пойму и избежим конфуза. Ведь мы расстались совсем детьми и не виделись 6 лет. Когда они с мамой вышли из вагона, наши глаза встретились и мы кинулись друг к другу.

Приехали домой к тете праздновать ее приезд, а потом пришли к нам домой и долго-долго говорили с Бертой. Я радовалась, что у меня есть сестра, которая очень похожа на меня, у нее такие же зеленые глаза и такие же волосы... И до конца жизни Берты ничто нас не разлучало. Ни ее замужество, ни мое.

А отец мой после эвакуации всех семей военнослужащих выехал из Станислава в Киев, где был назначен заместителем военного коменданта. После падения Киева получил приказ остаться в городе и организовать партизанские отряды. В 1943 г. был тяжело ранен и переброшен через линию фронта на лечение. После поправки по его просьбе направлен на Прибалтийский фронт к И.Х. Баграмяну. Там назначен командиром 1179-го полка

358-й дивизии. В марте 1943-го корпус переходит в Ленинградскую область, на Карельский перешеек. 10-го июля наши войска захватывают линию Маннергейма, а полк Тамразова помог овладеть городом Выборг. Полк был награжден орденом Красного Знамени и назван Выборгским краснознаменным полком. Ерванда Степановича также наградили орденом Красного Знамени. Затем его полк участвовал во взятии Кенигсберга и один из первых вошел в этот сильно укрепленный город. Отец участвовал в освобождении многих городов Европы.

В 1946 г. ушел в отставку по болезни. Обосновался в г. Ереване. Его пригласили работать начальником конно-спортивной команды на Армянском ипподроме. Готовил наездников для участия в соревнованиях. В 1959 г. команда участвовала во II Спартакиаде народов СССР, выступала на Центральном московском ипподроме, в троеборье заняла второе место.

Отец награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени Закавказья, медалями.

Инна Алексеевна Гаврилова

ДЕТСТВО БЕЗ КУКЛЫ

Когда началась война, мне было 6 лет, моей сестре – 4 года, маме – 26 лет. Бабушка Мария Петровна с мужем и зятем (моим отцом) построили дом, сруб. Он был прекрасный, пахнувший сосной, и жили в нем в тесноте, да не в обиде дед Павел Васильевич, бабушка, мама, я, моя сестра, мамины сестры и брат.

Город, в котором был построен дом и куда нас позвала жить бабушка, настоящий город-труженик - Воронеж. Дети в детском саду говорили: «Мой папа работает на машмете!» (это означало на машиностроительном металлургическом заводе). Другой говорил: «А мой – на сэка» (на заводе синтетического каучука).

Итак, был счастливый дом, построенный руками моего деда и отца. Окраины города – в сосновых лесах, город был хорош, несмотря на трудности с едой, одеждой и некоторые другие, о которых вспоминать не хочется. Воронежцы ходили в кино, любили фотографироваться, любили свой театр и вечерние прогулки. Кстати, название города происходит от названия реки – Ворона. Там тоже отдыхали, купались, люблялись.

Для нашей семьи счастье длилось только год. Война налетела как вихрь, с голосом Левитана, с паникой на заводах. Но паника длилась не долго. Забежал отец, сказал, что началась эвакуация оборудования на заводе, а жители пусть эвакуируются сами, да как можно быстрее, немец наступает. Помню речь Сталина, помню, как весь народ вздрогнул, когда он обратился к Богу и к народу тоже, дескать, братья и сестры. А еще ввел понятие – враг народа.

Женско-детский коллектив двух семей, Гальцевых и Гавриловых, потопал пешком от Воронежа до Тамбова. Нам было нужно село Терновое Инжавинского района. Мама родом из Тернового, а отец – из села Карандеевка. Мой отец в 14 лет убежал в Москву, откуда его друг (ох уж эта подростковая дружба) писал, что он уже устроился в Москве. Устройство означало койку в общежитии и учебу на рабфаке.

Так, мы идем в Терновое. Помню некоторые происшествия по пути. Мчались поезда с солдатами. «Дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону...» Маму с дочками пожалели и толкнули на площадку вагона, но ехали мы не долго. Зловещий вой, вираж немецкого самолета над составом, дорожка из пуль. Я увидела, что крыша вагона над нашими головами раскалилась. По-

езд остановился, люди выпрыгивали, раненые стонали. Запомнила девочку, совсем маленькую, с оторванной ногой. Мама взяла ее на руки. Все шли к зданию вокзала. Все хотели найти своих родных, выкрикивали их имена. Но самолет продолжал кружить, и ничего не было слышно...

Добрались до Тернового, поселились у хозяйки по фамилии Попова. Ее сын Михаил уговорил паспортистку выдать ему паспорт и прибавить год. Рвался на фронт. Был веселый, храбрый, служил там, куда Родина посылала. А посылала она на Север, в разные города страны, а после окончания войны – в военные городки Германии, Польши. Михаил Ефремович женился на средней сестре моей мамы. Последнее назначение получил в военный городок под Загорском. Умер от инфаркта.

Возвращаюсь к моей семье. Мама отказалась работать в Инжавинском госпитале, не могла вынести вид изуродованных мужских тел. Тогда ей предложили работать грузчиком. Вагоны мчались в обе стороны: туда – с ящиками снарядов, обратно – с ранеными. Транспорт был в те годы не такой, как сейчас, не на электричестве, а на угле. У мамы были черные руки и лицо. А с мылом были сложности.

Пришел сентябрь. Учебный год. Как драгоценность собирали газеты и карандаши. Учились писать цифры и буквы на полях газет. У меня горе. Мой карандаш упал в щель между досками пола. Но хозяйка дома категорически отказалась вытащить доску пола и достать карандаш. Плакала долго. Карандаш мне достала тетя Настя, сестра отца.

Было горе поменьше, хотя почему поменьше? Маму мы почти не видели. А бабушка получала утром кусок хлеба на себя и детей. Это называлось ото-

варить карточки. Хлеб резали на кусочки, моя младшая сестренка съедала его сразу, а я берегла хлеб на конец дня, когда голод становился сильнее, и до вечера прятала его. Днем бабушка, тетя Лида (младшая из дочерей моей бабушки Марии Петровны) и я работали по дому. Месили глину, искали тряпки и всякую всячину, чтобы заделать щели у дома, поправить завалинку. Ремонт дома, а также заготовка дров на зиму – были условия, на которых нас пустили жить в одну из двух комнат. Такой дом - с двумя комнатами - считался богатым. Кстати, вы знаете, чем отличается деревня от села? Наличием или отсутствием церкви.

Село наше было на пригорке, а внизу у всех были огородики. Я рано узнала, как полоть сорняки, окучивать картошку, приносить к столу пучок лука и редиску. После рабочего дня я хотела съесть свой кусочек хлеба. Но оказывалось, что хлеба нет. Его нашла и съела моя сестра. Куда бы я ни прятала свой кусочек хлеба, сестра его находила.

В селе Терновое были и другие беженцы. Появилась семья из Ленинграда. Я затрепетала, увидев у девочки-ленинградки гуттаперчевую куклу. В те времена эти куклы были одинаковые по размеру, с пухлыми ручками и ножками, с лицами без всякого выражения. Но тогда для ребенка 7-8 лет она представляла роскошь.

С первых дней войны жизнь стала суровой, одинаково трудной для всех, независимо от возраста и пола. Был дефицит всего самого необходимого: продуктов, канеи, мыла, посуды, обуви и всего-всего. Люди отказывали себе во всем. Лозунг был «Все для фронта, все для Победы». Чтобы солдаты и офицеры имели белье из бязи, шинели из сукна, ватные

телогрейки, женщины-швейи день и ночь громыхали на швейных машинах «Зингер». Уже после войны мама говорила - хорошо, что бабушка ее купила, шьет все - от батиста до брезента. Она спасла семью Гавриловых от смерти.

Мама нашла моего отца. Грязная, вся в угольной пыли шла она с московского вокзала в общежитие и почти засыпала на ходу. Очнулась и поняла, что ее очень интересует идущий перед ней мужчина. Мой отец был высокого роста статный мужчина, а этот – ходячий скелет. Мама не выдержала и крикнула: «Алексей!».

Мы переехали в Москву и стали жить в общежитии, где жили рабочие авиационного завода. Самолеты были нужны фронту не меньше, чем солдаты на передовой. А мой отец (я слышала) как-то сказал маме: «Наверное, легче воевать на фронте, чем получить бронь и работать по 15-16 часов. Мальчишки падают у станков, засыпая». В Москве с первых дней после переезда мама приспособилась шить за одну ночь платье, а с утра продавала его на рынке. Полученных денег как раз хватало на стакан риса. Приходила и варила рисовый суп – жидкий, серого цвета, зато подсолненный, вкусный.

На войне наш род по отцовской и материнской линиям потерял 7 человек. Мой дед, мамин отец, погиб в первом бою. Шестеро родных братьев моего отца погибли в разные годы войны.

Как я училась, росла, вышивала, вязала, шила с ранних лет, писать не буду. Мы, дети войны, развлечений не знали. Часто наблюдали воздушный бой в вечернем небе. Дети быстро научились различать по звуку марки самолетов и кричали: «Наш, не наш».

Послевоенные годы были тоже очень тяжелые. Очень. Я закончила институт. Стабильно весила 45 килограммов. А досыта наелась только в Молдавии, куда получила распределение. Молодой специалист много ел. Особенно картошку и фасоль.

Да, война длилась не четыре года, гораздо дольше.

Сейчас мне 80 лет. Я не выбрасываю хлебные корки, уважаю крупы и консервы. Когда меня спрашивают, чего хочешь ко дню рождения, отвечаю: «Только то, что можно есть и пить».

Владимир Александрович Ходош

ВОЙНА

Я родился 30 декабря 1925 года в Москве. Отец Ходош Александр Александрович, 1896 года рождения, до революции рабочий-столяр. Моя мать Розовская Полина Леопольдовна была из сословия мещан. Мать окончила гимназию и уже после революции получила высшее образование. Я учился в школе № 19 на Берсеневской набережной, около английского посольства. В детстве я часто простужался, т.к. у меня с годовалого возраста была бронхиальная астма. 22 июня 1941 года услышал по радио выступление Молотова.

ВОЙНА!

Я до войны окончил 8-й класс, мне уже идет шестнадцатый год. Идет война, и, по моему пониманию, все должны что-то делать. Я иду работать учеником электромонтера в здание наркомата сельского хозяйства в Орликовом переулке. В августе мы с мамой уезжаем в эвакуацию, в Омск. С Омском у меня связан целый ряд воспоминаний, там я буду призываться в конце 1942 года в Красную армию и оттуда уеду в Томск в военное училище. В 9-м классе учусь в Омске. 9-й класс – это осень 41-го года, зима и весна 42-го года. Все вни-

мание положению на фронте. Со мной в классе учится Володя Савельев. У него мать умерла от голода в Ленинграде, а отец погиб в Сталинграде. Мы дружим и много времени проводим у нас дома, и он становится практически вторым сыном моих родителей. Вскоре военная судьба свяжет меня с ним надолго. Окончен 9-й класс, пришло лето 42-го года. Наступает начало нового учебного года в школе, но учеба длится одну неделю, а затем вместо занятий мы уезжаем в колхоз на уборку урожая.

Заниматься в школе мы, призывники 1925 года рождения, больше не будем. Сформирована команда для отправки в Томск в артиллерийское училище. Пребываем в Томск, в 1-е Томское артиллерийское училище (1ТАУ). В училище нас размещают на месяц в карантине, в помещении, оборудованном нарами из досок вместо кроватей. Наконец карантин окончен, нас одевают в военную курсантскую форму и переводят в казарму. Присягу принимаем торжественно в День Красной армии 23 февраля 1943 года. К сожалению, сапоги дефицит, и нам дают ботинки и обмотки. Утром физзарядка. В основном это пробежки, зимой до -5°C в нательных рубашках, до -10°C в гимнастерках, а ниже -10°C в шинелях. В середине недели лыжи – 5 км, в воскресенье лыжный кросс на 10 км. Наша еда – суп из черемши, пюре из картошки с кожурой, так как в целях экономии разрешалось вырезать из нее только глазки. Наряды были двух видов – на кухню и в караул. Занятия проходят у орудий или в поле на тактических занятиях. На занятиях по тактике уделялось внимание и противохимической защите – приходилось иногда летом и бегать и ползать в противогазе. В какой-то отрезок времени мы должны были после обеда, в час отдыха, спать в противогазе. И вот выпуск, нам присваивают звания «младший лейтенант». В январе 1944 года мы едем в Москву за назначениями на разные фронты.

Нас с Володей Савельевым отправили на Ленинградский фронт, где нас направили во 2-ю ударную армию, которой в то время командовал генерал-лейтенант И.И. Федюнинский, а далее в 116-й КПАП (корпусной пушечный артиллерийский полк) 43 с.к., который находился на Нарвском плацдарме. Мы с Володей остались вместе в одном пол-

ку командирами взводов управления батареей. Я в 1-й, а он в 3-й.

Я познакомился с командиром батареи Иваном Карпенко, со старшим на батарее Абекешем Ажмухамедовым и командиром огневого взвода Гришей Рудаковым. Мой наблюдательный пункт располагался в лесу, недалеко от передовой. Принимаю взвод. После знакомства с личным составом взвода, находившемся на НП, я поднялся на дерево к стереотрубе, чтобы ознакомиться с обстановкой на местности. Немного о личном составе моего взвода. Во взводе 27 человек. Всего взвод при мне в боях потерял пять человек: трех связистов и двух разведчиков, в том числе командира отделения разведчиков Сорокина. Из них двоих на Нарвском плацдарме и троих в наступлении после Сандомирского плацдарма. Бои на Нарвском плацдарме шли ожесточенные. На плацдарме сыро и холодно, лежит еще снег. Помогают наркомовские 100 грамм водки или 50 грамм спирта. Наш полк в основном вел контрбатарейную борьбу с немецкой артиллерией. Командира взвода управления, когда требует обстановка, направляют с радистом и несколькими разведчиками ближе к переднему краю линии фронта в ПНП (передовой наблюдательный пункт) для выяснения обстановки и связи с пехотой, ведущей бой. Через несколько дней мне приказали идти первый раз в ПНП. Со мной идут командир отделения радистов, еще один радист с переносной радиостанцией и два разведчика. Мы идем к линии фронта. Лес в этих местах разделен на квадраты просеками. Вскоре попадаем под бомбежку пикирующего бомбардировщика. Первая бомба падает недалеко от нас в лесу, а так как земля здесь болотистая, образует большую воронку. Быстро под вой

пикирующего самолета прыгаем в воронку. Два раза в одно место бомбы не падают. Я не знаю более сильного психологического воздействия на войне на человека, чем свист падающей бомбы под вой пикирующего бомбардировщика. Пехота не могла наступать из-за немецкого танка, простреливающего просеку. По радио связываюсь с командиром полка и докладываю обстановку. Быстро передаю на огневую позицию данные для стрельбы по цели. Проходит не более 5 минут, и видим, как наши 122-мм снаряды разметали весь перекресток просек вместе с танком и всеми, кто там был вокруг. Наша пехота сразу пошла вперед! За бои на Нарвском плацдарме я вскоре был награжден медалью «За отвагу». Вскоре нас в составе 43-го стрелкового корпуса передали в 59-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант И.Т. Коровников. 59-я армия освобождала острова в Финском заливе юго-западнее города Выборга. Мой НП размещался на берегу Финского залива. Ширина залива в этом месте была небольшой, наверное, не более 300 - 400 метров. В августе 44-го года мне присвоили воинское звание «лейтенант». Узнаем, что в Москве 19.09.44 подписано Соглашение о перемирии с Финляндией. 20 сентября вечером мы получили указание – завтра с 9.00 прекратить все боевые действия против Финляндии. Наступает утро, и в 9 утра наступает непривычная тишина – не слышно ни одного выстрела. По условиям этого соглашения наша государственная граница отодвигалась на север к городу Энсо. В декабре полк получил приказ грузиться на железнодорожные платформы для переброски на другой фронт. 59-ю армию передали 1-му Украинскому фронту, которым командовал И.С. Конев, для участия в

Висло-Одерской операции. Разгружаемся 30 декабря в районе города Жешув и со своими пушками сразу укрываемся в ближайшем лесу. Это мой день рождения (мне 19). Наша задача – скрытно прибыть в заданное место на Сандомирском плацдарме. Переправляемся на плацдарм за р. Вислу по одному из наведенных мостов, орудия батареи занимают заранее подготовленные для них позиции.

Наступило 12 января 1945 года. Начало артподготовки в 10 часов утра, стреляют тысячи орудий разного калибра и на разную глубину. Артиллерия практически взломала немецкую оборону и подавила боевой дух противника. Со своего НП вижу, как после окончания артподготовки пошла вперед наша пехота, а затем сразу за ней танки. Фронт был прорван, и наша

59-я армия двинулась в направлении Кракова. В задачу 43-го с.к., в состав которого входил наш полк, входило освобождение Силезского промышленного района, и поэтому мы двигались в направлении севернее Кракова. Нашу батарею направили к Кракову.

Утром 19 января я с радистом и двумя разведчиками был в траншее вместе с пехотой для корректировки стрельбы нашей батареи. Наступающие с северо-запада части заняли в западной части господствующий над городом холм с могилой Костюшко и немцы стали отходить и на нашем участке. Вместе с пехотой мы вошли в город, из домов выскакивали поляки и звали: «Русс, идем водку пить». Мне было приказано выходить из Кракова в северном направлении до населенного пункта, через который будет проходить на запад полк, и нас там подхватит наша батарея. За участие в боях за освобождение Кракова я был награжден орденом Отечественной войны II степени. Впереди были бои за освобождение Силезского промышленного района с городами Катовице, Домброва-Гурне, Челядзь, Бендзин, а дальше бои за Одерские плацдармы.

59-я армия наступала с плацдарма, расположенного южнее города Козель, началась Нижне-Силезская операция, было начало февраля. Мы двинулись за наступающей пехотой в направлении города Нойштадт уже по немецкой земле, а затем в марте вдоль северных склонов Судетских гор по чехословацкой. Стояла теплая весенняя погода. Я со своей группой все время шел за продвигающейся пехотой. Шли бои за населенный пункт с небольшими домами. В некоторых домах были еще немцы, слышалась немецкая речь.

27 апреля 1945 года мне позвонили из штаба и сообщили, что я направляюсь на учебу в Высшую офицерскую школу Красной армии в Ленинград и поэтому я должен передать взвод своему помощнику и прибыть в штаб. Такое же указание получил Володя Савельев. И только теперь я по настоящему понял, что война для меня окончилась.

Война лишила меня обычной юности, а заменила ее с 18-летнего возраста в течение 1,5 лет ответственностью за жизнь других людей, похоронами товарищей, ежедневным видом крови, видом убитых и раненых людей. Когда я вспоминаю сегодня прожитые годы в училище в Сибири с ее морозами и на фронте, особенно в сырасти на Нарвском плацдарме, я понимаю какие мобилизационные ресурсы есть у человека в экстремальных условиях. Ведь у меня, страдающего с детства бронхиальной астмой, за это время не было ни одного приступа, хотя в училище приходилось бегать в морозы до -5°C в одной гимнастике без шинели, а на плацдарме спать иногда на снегу у костра. Но расплатиться за это мне придется позднее, в начале 50-х годов, уже в родительском доме в Москве, после ухода из армии.

Празднуем 9 Мая в Москве и уезжаем в Ленинград на курсы. В сентябре мы сдали экзамены по пяти предметам, в том числе и боевую артиллерийскую стрельбу на полигоне. В ноябре 1945 г. получаем с Володией Савельевым назначение в Воронежский военный округ. У нас с ним полностью одинаковый послужной список. Мы вместе с ним еще со школы, и ни у кого не поднимается рука нас разлучить. Нас направляют в распоряжение Воронежского военного округа. В штабе округа получаем направление

на должности командиров батарей в 85-й гвардейский Симферопольский краснознаменный орденов Суворова, Кутузова, А. Невского ГАП (гаубичный артиллерийский полк), который стоит в городе Боброве Воронежской области. В начале июля меня позвал командир полка Еременко и сказал: «Бригада будет переформировываться в меньшее соединение. Я тебе советую, пиши рапорт об увольнении в запас и поезжай учиться. Рапорт твой подпишу». Рапорт я написал. Тоже самое сделал и Володя Савельев. Прощай армия!

27 июля 1946 года мы уже в Москве. В 10-м классе мы перед призывом в армию в 1943 году практически не учились и экзамены не сдавали. Но было принято решение о выдаче аттестатов об окончании десятилетки всем ушедшим в армию, кто хоть один день учился в 10-м классе. Мои родители получили в Омске наши аттестаты, и мы теперь после армии имели возможность поступать в институт. Я подаю документы для поступления в МВТУ им. Баумана. Поступали мы как фронтовики вне конкурса, при условии сдачи вступительных экзаменов на оценки не ниже троек. Теперь, когда я оказался дома, в теплой квартире, обо мне вспомнила моя бронхиальная астма, что врачи назвали разрядкой после нескольких лет жизни в экстремальных условиях.

Я окончил учебу в МВТУ им. Баумана в 1952 году, сдал государственные экзамены, но начиналось строительство подводного тоннеля длиной 9,5 км под Татарским проливом на острове Сахалин для прямой связи с материком. Для создания нового щитового оборудования для проходки этого тоннеля

вышло постановление Правительства о выделении 10 выпускников МВТУ проектно-изыскательскому институту «Метрогипротранс». Комиссия отобрала в числе этих 10 человек и меня. Вскоре умер Сталин, и все работы по созданию щита и строительству тоннеля на Сахалин были прекращены. Но вся моя инженерная жизнь в дальнейшем оказалась связанной с подземным строительством. Мне довелось участвовать в проектировании и строительстве многих тоннелей различного назначения, практически всех метрополитенов страны, крупных подземных сооружений различного назначения, разрабатывать для них оборудование и технологию. В 1966 году я защитил кандидатскую диссертацию. В этом же году мне за мои внедренные изобретения, было присвоено звание «Заслуженный изобретатель РСФСР». Работая в этом институте, мы с группой инженеров разработали и внедрили новый способ сооружения тоннелей в целом ряде строительных. В 1973 г. нам была присуждена Государственная премия СССР. В 1977 году я был переведен главным инженером во вновь создаваемое СКТБ Главтоннельметростроя. В мае 1986 г. я участвовал в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В 2000 г. в мои 75 лет мне присвоили звание «Почетный строитель России». В марте 2001 года я прекратил работать и ушел на отдых.

В моем сознании вся жизнь делится на две части: военный период и все остальное время. И, хотя в армии я был всего три с половиной года, для меня это большая часть жизни. Фронтные месяцы и дни помнятся почти каждый в отдельности.

Учредитель: префектура Северо-Западного административного округа города Москвы, 123362, г. Москва, ул. Свободы, дом 13/2.

Редакция: ООО «Творческий информационно-издательский центр», 123060, г. Москва, ул. Генерала Берзарина, д. 36, стр. 3.
Тел.: 8(499)197-88-12,
8(499)192-55-25.
E-mail: info@tiic.ru.

Перепечатка возможна только по письменному согласованию с редакцией. При перепечатке ссылка на газету «Москва. Северо-Запад» обязательна.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 50-735 от 29 июля 2010 г.
Газета зарегистрирована в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Москве и Московской области.

**Главный редактор –
Т.Б. Шорина.
Заместитель главного редактора –
С.И. Никанова.**

Отпечатано в типографии ООО «ТИИЦ»: 123154 г. Москва, ул. Маршала Тухачевского, д. 20. Подписано в печать 14.09.2014. Время подписания по графику – в 17.00, фактически – в 17.00. Заказ № 298. Распространяется бесплатно. Тираж: 300 000 экземпляров. По всем вопросам качества доставки газеты обращаться по тел.: 8(499)197-88-12; 8(495)956-34-03.

